

Глава 4

ВОДНАЯ ЭТИКА ЭВЕНКОВ СЕВЕРНОГО ПРИБАЙКАЛЬЯ

Отношения коренных народов с водой, повседневные практики и политические споры, связанные с использованием водного пространства и его ресурсов, являются важным предметом исследования социальной антропологии. Этика отношений с водой соотносится с общими этическими нормами взаимодействия с окружающей средой, а интерпретировать ее следует, принимая во внимание позицию местных жителей. Являясь частью ландшафта, вода как субстанция, реки и озера, требует особого отношения локального сообщества, поскольку вода является первостепенным ресурсом повседневной жизни человека.

Аксиомой является то, что вода имеет первостепенную значимость для человеческой жизни и организации [Spiertz 2000] и «институциональные рамки, структурирующие социально приемлемый доступ и права на воду, приобретают множество форм. Иногда эти формы легко просматриваются в локальных соглашениях, обычаях и ландшафте. Они могут быть неформальными, скрытыми и встроенными в локальные практики» [Bruns, Meinzen-Dick 2005: 4]. Вода — это ограниченный ресурс, оцениваемый как товар (commodity), находящийся под угрозой [Johnston 2003] и подпадающий под эгиду политической миссии сохранения акваторий [Briehieri-Colombi 2009: 6].

Антропология отводит особое место изучению отношений коренных народов с водным ландшафтом. Индигенное водное знание и его повседневное использование часто рассматриваются как арена, на которой представлены разнообразные этические установки, отношения и конфликты. Более того, обращение к индигенной форме знаний о воде особенно необходимо тем, кто берет ответственность за продвижение различных энвайронментальных проектов [Hammer 2004]. Точки зрения коренных жителей являются «мощным ресурсом, или, по меньшей мере, вдохновением для энвайронментальных этик» [Peterson 2001: 103]. «Корпус возникаю-

щих норм может быть мостом между вопросами, касающимися прав человека на воду и на контроль над водными ресурсами и экологическими проблемами» [Hammer 2004: 133].

Тем, кто составляет политические соглашения, нередко предлагающие сомнительные для локальных сред проекты, следует обратить внимание на встречный аргумент социальных и естественных наук [Ringhofer 2010]. Им не следует недооценивать локальное понимание водных ресурсов, менеджмента, традиций и установок [Assies 2003; Hendriks 2002].

В то время как признание индигенных режимов водного менеджмента растет среди менеджеров не из числа коренных народов [Sheehan, Small 2007], что, в свою очередь, дает возможность «понимания устойчивости» [Sheehan 2001], вопрос взаимодействия местного сообщества с водными пространствами остается недостаточно освещенным, когда речь идет о сибирском и, в частности, северобайкальском контексте. Данная ситуация является парадоксальной, поскольку озеро Байкал — всемирно признанный богатейший источник чистой воды.

Проблемы, связанные с контролем прибрежных вод, когда возникает соотношение этих проблем с индигенными опытами взаимодействия между человеком и водой, всегда влияют на восприятие окружающей среды местными жителями [Orlove 2002]. В фокусе внимания оказываются локальные пути знания, создающие «связи между прошлыми и современными дилеммами» [Mackinnon 2007: 78].

Практики использования водных ресурсов находятся на пересечении водного закона, водных прав и соотносящихся с водой социальных практик. Права на воду коренного населения связаны с долгосрочным использованием водных ресурсов. Однако федеральное законодательство может поставить под сомнение позиционирование приоритета коренного населения на право использования водных ресурсов и акваторий.

Столкновение разных толкований приоритетов использования водных ресурсов характерно и для местного населения Северного Байкала. То, что попадает под вердикт закона как «нелегальное» и подлежащее наказанию, воспринимается местным населением как неспособность государства решить острые социальные проблемы населения, прислушаться к нуждам людей. На чаше весов оказываются сохранность окружающей среды, как это видит госу-

дарство, и водные жизнеобеспечивающие практики коренного населения. В эти сложные дилеммы также встраивается и локальная водная этика эвенков. Локальная история водных практик совмещается с современными практиками посредством нарративов, интерпретаций и контекстов. В данной главе представлено, каким образом формируются отношения эвенков с водным ландшафтом Северного Байкала, какие знания о воде они используют в повседневной жизни, а также какие водные практики являются существенными в их повседневной жизни.

Использование водоемов рыбаками и охотниками

Отношения местных жителей с водным ландшафтом проявляются прежде всего в практике рыболовства, которая является основным источником дохода и пропитания многих эвенкийских семей на Северном Байкале. Исторически повседневные практики северобайкальских эвенков всегда были связаны с использованием водных пространств. Важными занятиями были рыбалка и охота на нерпу. Так, Н. Спафарий [1882 (1675): 119] и И. Г. Георги [1777] упоминали о том, что тунгусы занимались рыбной ловлей на Байкале. Рыба играла важную роль не только как продукт питания, ее продажа составляла существенную часть доходов тунгусов [Спасский 1822: 60–63]. Г. М. Василевич [1969: 71] также писала, что эвенки Прибайкалья значительную часть продукции морского промысла продавали. Н. С. Шукин метафорически назвал Байкал «рыбным магазином Сибири» [Шукин 1848: 383]. В советский период часть колхозников также была ориентирована на рыбную ловлю, а эвенкийский колхоз в деревне Душкачан даже носил название «Улома олдомон», что переводится как «Красный рыбак».

В постсоветский период, когда половина трудоспособного населения Холодной лишилась постоянной работы, занятие рыбной ловлей стало важным источником дохода, особенно для малообеспеченного населения [Fondahl, Sirina 2006: 126]. Например, по данным администрации села Холодное, в 2007 году количество безработных в деревне составило 53 %. В 2005-м этот показатель был несколько меньше и составлял 47 % [Ibid.: 119]. При этом немаловажным фактором является то, что некоторые трудоустроенные работали не на полную ставку. Таким образом, люди были вынуждены искать дополнительные источники дохода. В данной ситуации

значительную роль играло знание местного ландшафта, особенно умение ориентироваться в лабиринте многочисленных протоков по течению рек Кичера и Северная Ангара. Местные жители ловят рыбу как в Байкале и впадающих в него реках, так и в горных озерах. Например, в горном озере Номама ловят красную рыбу, которая по-эвенкийски называется *даватчан*. Несмотря на то что рыболовство способно приносить небольшой ежедневный доход, который тратится на текущие нужды, оно редко сопровождается накоплением денежных средств. Тем не менее из-за отсутствия альтернатив заработка рыбаки поддерживают долгосрочные отношения с перекупщиками рыбы. Похожие отношения существовали между эвенками и рыбопромышленниками в царское время [Спаский 1822: 60–63].

С 1930-х годов местные охотники стали выходить на промысел ондатры, которая, по словам местных жителей, была переселена советскими охотоведами из Северной Америки. Сейчас охота на ондатру также является немаловажным источником дохода для нетрудоустроенного населения. Она не требует большого вложения капитала, как, например, охота на крупных животных, где необходимо покупать лицензии, иметь ружье, организовывать заезд на охотничий участок, строить и ремонтировать зимовья и запастись продуктами. Кроме того, данный вид охоты не требует перемещений на большие расстояния и состоит из непродолжительных походов с постоянным возвращением в деревню. Сейчас в Холодной местные жители участвуют как в осенней, так и в весенней ондатровке. На водоемах местные жители также охотятся на диких уток.

Этические нормы, связанные с водой и водоемами

Хозяйственные практики северобайкальских охотников и рыболовов включали использование как водной поверхности, так и льда и подразумевали следование определенным этическим нормам. Нравственные нормы, связанные с использованием водных ресурсов, являются одной из самых важных составляющих энвайронментальной этики [Feldman 1991]. Этика отношений человека с водными пространствами включает не только нравственные установки и правила, но и локальные верования и знания. По эвенкийским поверьям у любого места есть свой хозяин, и с ним необходимо поддерживать доброжелательные отношения. Хозяин есть

в доме, на месте временной стоянки (*табор*), в лесу, горах. Местные рыбаки и охотники считают, что у каждого ручья, озера и реки также есть свой хозяин. Есть хозяин и у Байкала. Он может как помогать людям, так и наказывать их за плохое поведение. Отсутствие уважительного отношения к природе и духам-хозяевам может повлечь за собой возмездие или наказание [Sirina 2008: 4]. Например, в случае нарушения запретов и предписаний хозяин места может «обидеться», «напакостить» и даже лишить жизни. Поэтому с ним необходимо всегда поддерживать «доброжелательные отношения». Хозяин тайги и хозяин Байкала не взаимодействуют, как объяснил Аркадий Лекарев. Похожие взаимоотношения людей с лесными существами у современных юкагиrow были описаны Ране Виллерслевым [Willerslev 2007].

Жители села Холодного считают, что удача (или, как ее называют местные жители, «фарт») рыбака зависит от того, как человек выстраивает отношения с хозяином места, соблюдает ли он этические нормы данных отношений. Например, рыбаки говорят, что нельзя шуметь у водоема, так как «хозяин может обидеться, и не будет улова». Они также считают, что на реке или озерах нельзя ругаться, потому что «хозяин услышит, и тогда ничего не поймашь». Кроме того, нельзя неуважительно относиться как к пойманной рыбе, добытым ондатрам и нерпам, так и к самому месту промысла. Местные жители уверены, что человек может потерять «фарт», если он хвастливо рассказывает о своей добыче. Множество подобных запретов у эвенков-орочонов было зафиксировано Мазиным [Мазин 1984]. Чтобы не потерять удачу в промысловых практиках, связанных с использованием водных пространств, рыбаки и охотники стараются следовать этим предписаниям. В то же время можно сказать, что многие промысловые верования эвенков связаны с практикой, имеют «практические, материальные корни» [Там же: 34]. В их основе лежат наблюдения за жизнью животных, природой; кроме того, эти поверья включают особую промысловую этику [Там же].

Озеро Байкал считается священным как эвенками, так и бурятами. Байкал эвенки называли Ламу, это слово они использовали также и для других крупных водных пространств, таких как моря Северного Ледовитого и Тихого океанов. Эвенки, которые занимались преимущественно рыбной ловлей и охотились на нерпу, назывались *ламучены*. По словам Аркадия Петровича Лекарева, старей-

шего мужчины из села Холодное, киндигирские эвенки-рыболовы также называли себя *ламуаны*. Таким образом, использование крупного водного пространства фигурировало в самоназвании данной группы эвенков. Вообще, вода играла не последнюю роль в космогонических представлениях эвенков [Анисимов 1959: 75]. По их представлениям, за крайней землей нижнего мира лежало подземное море, по которому плавали мифические рыбы огромных размеров [Там же].

Все местные жители, вне зависимости от национальности, соблюдают правило кормления хозяина при въезде на лед Байкала, Кичерского озера, а также множественных протоков к северу от озера Байкал. Они угощают его водкой, разбрызгивая капли. Несовержшение подобного обряда считается проявлением неуважения в отношениях человека с окружающей средой. Такое поведение также считается проявлением неуважения к хозяину водоема и, по мнению местных рыбаков и охотников, в будущем может повлечь за собой неудачи на промысле и стать причиной опасных ситуаций. Однако если дорога трудная и путешественники устали в дороге, то остановки делаются только у наиболее важных речек Холодная, Гасан-Дякит и Бирмья. Символически переезд через реку Холодная означает пересечение границы с деревней. Гасан-Дякит — приветствие хозяина тайги примерно на середине пути. Бирмья — въезд во владение фермы «Улуки».

Заезд и дорога в тайгу во многом рассматриваются жителями деревни Холодная как настоящий праздник. Первая остановка — Пьяный Ключ. Местные упоминают две возможные этимологии этого названия. Так, одна легенда соотносится с периодом БАМа, когда при заезде в тайгу на этом месте опрокинулся грузовик и весь запас водки вылился прямо в источник. Однако некоторые говорят о том, что на этом месте находят старые царские монеты, что может говорить о гораздо более продолжительной истории почитания этого места. При выезде из тайги на Пьяном Ключе, как правило, останавливаются редко. При заезде в тайгу для охоты, напротив, нужно остановиться, выпить и брызнуть водки, хорошо перекусить. Реки и ключи обозначают места остановок и символически разделяют дорогу на отрезки, которыми измеряется весь путь.

Нормы экологической этики, связанные с повседневными практиками рыбаков и охотников на нерпу, находят свое отражение в локальных нарративах. Например, в селах Холодное и Байкаль-

ское нередко можно услышать истории о владельцах затонувших средств передвижения, где рассказчики интерпретируют неудачи как следствие того, что эти люди «не побрызгали хозяину». В устных историях эвенков природа выступает в роли субъекта [Sirina 2008], как мыслящая сущность, которая постоянно вступает во взаимодействие с местными жителями, позволяя им поймать рыбу или нерпу, а также наказывая их за неправильное поведение. Данные истории, носящие поучительный характер, выполняют моральную функцию и обращают внимание слушателя на необходимость следования нормам взаимодействия человека с окружающей средой и ландшафтом [Basso 1996].

В любое время года рыбалка на Байкале сопряжена с опасностью. В теплое время года опасность представляют шторма, зимой и весной, когда люди ездят по льду (если он недостаточно крепкий), транспортное средство может оказаться в воде и затонуть. Особенно опасно ездить по льду Байкала в январе, когда вода только замерзает, и в начале мая при таянии льда. Жители деревни Холодная рассказывали много историй о том, как в Байкале, Кичерском озере, а также в многочисленных протоках рек Кичеры и Верхней Ангары тонули машины, мотоциклы, снегоходы. Если подобная ситуация случалась на реке или Кичерском озере, то транспортное средство обычно удавалось поднять со дна. На Байкале же, учитывая глубину озера, поднять затонувшее имущество не представляется возможным. Поэтому передвижение по льду Байкала требует от рыбаков и охотников особой осторожности. Местные охотники на нерпу рассказывали, что когда у них рядом с берегом затонул снегоход, то они планировали поднять его со дна озера. После того как они вернулись с тросом и стали измерять глубину, она, по их словам, оказалась около 150 метров. В этой ситуации им пришлось смириться с потерей: *«Байкал решил оставить снегоход себе!»* Озеро в данной ситуации выступает как персонифицированная сущность, которая может думать, понимать и выражать эмоции точно так же, как и люди.

Сущность человека как существа, принимающего решения, и Байкала как персоны проявляется в ритуальном действии, которое можно обозначить как «возвращение детеныша нерпы». Данный ритуал имеет особое значение для нерповщиков села Байкальское и не является распространенным. Однако нерповщики, которые практикуют этот ритуал, считают его необходимым прояв-

лением гуманизма по отношению к природе и существам, ее населяющим. В мае 2008 года в селе Байкальское заканчивалась нерповка. Охотники вернулись в деревню и привезли с собой одного живого детеныша нерпы (эв. *куматкан*) (рис. 13). После того как *куматкан* побыл два дня в деревне и дети могли больше узнать о байкальских тюленях, его отпустили обратно в озеро. Нерповщики связывают этот ритуал со старой охотничьей традицией. Человек должен проявить великодушие и уважение к существам, населяющим озеро и дающим людям пропитание. Это трогательное событие остается в памяти детей и охотников как акт милосердия и согласия с озером, которое получает одно из своих существ обратно — в знак благодарности и признательности. В таких случаях нерповщики говорят: *«Разве я обеднею, если отпущу одного куматкана? Да и как можно его убить, если он побыл с детьми и столько радости им принес? Он же тоже как ребенок»*.

Обращение с водным ландшафтом сопряжено с рядом опасностей, о которых нужно знать заранее и быть хорошо подготовленным к возможной встрече с ними. Например, очень опасно ездить по тонкому льду на машине или мотоцикле. В Холодной рассказали

Рис. 13. Дети играют с *куматканом*. Байкальское, Северобайкальский район, Республика Бурятия, май 2008 года (фото В. В. Симоновой)

о нескольких трагических случаях. В экстренной ситуации техника начинала быстро тонуть, и люди не всегда успевали выбраться. Поэтому «на воде» человек должен проявлять готовность пожертвовать техникой и принять это решение быстро, чтобы остаться в живых. Компромисс с водной стихией неуместен, как и страх. Так, рыбак рассказал историю о том, как он ехал на машине по тонкому льду. Жена рыбака увидела, как лед расходится позади машины, и сказала об этом мужу. Он увеличил скорость и сказал, чтобы она не смотрела назад. Так они и ехали: лед расходился сзади, а впереди была гладь. Сам участник этого события вспоминает происшедшее как удачу и результат быстрой реакции. Если бы он замедлил ход или испугался, то исход мог бы быть неутешительным.

Тем не менее, несмотря на опасность, местные рыбаки продолжают ездить по Байкалу даже в мае, когда на льду образуются большие трещины. Холоднинские рыбаки стараются избегать ходить по тем местам, где бьют более теплые ключи и существует опасность провалиться под лед. Охотники говорят, что нужно быть осторожным при переходе горных речек зимой. Опасность представляет *висячий лед*, который на перекатах забивается шугой, поднимая уровень реки. Во время оттепели он становится тоньше и нависает над рекой. Поэтому лучше переходить реку в знакомых местах. Такие места, которые периодически использовались для перехода с одного берега реки на другой, эвенки называли *алум* (эв.). В этих местах обычно мелко, поэтому в летнее время реку легко можно перейти вброд. Зимой же они быстрее замерзают, и на них образуются наледы. Если лед проваливается в таком месте, то это менее опасно, так как глубина там небольшая. Одно из таких мест в нескольких километрах от деревни вверх по течению Холодной, которое как раз используется для перехода через реку, местные жители называют Алум. Подобные ледяные ловушки представляют опасность не только для людей, но и для животных: они могут пораниться об острый край льда.

Снег также является важнейшим элементом ландшафта для местных жителей. Он предоставляет возможность «читать» книгу тайги [Туголуков 1969], иными словами, видеть следы диких животных, понимать ареал их расселения, различать их, реконструировать их поведение. Учитель местной школы Виктор Алексеевич Ганюгин также использует снег в своих занятиях по охотоведению. Во время походов, которые периодически устраивает Виктор Алексеевич,

ученики киндигирской школы учатся различать следы разных животных, зарисовывая их на бумаге прямо с отпечатков на снегу. Размер следа фиксируется спичечным коробком. Перед учениками местной школы стоит задача раскрыть «таежный детектив», используя следы, оставленные на снегу. Как настоящие охотники, они должны не только определить, какому животному принадлежит тот или иной след, но и время, когда он был оставлен, куда направилось животное, ходит ли оно поблизости или просто пробежало мимо. Более того, нужно понять, почему именно животное оставило такой след. Только снег позволяет раскрыть эти возможности. Летний ландшафт включает в себе уже иные свойства. Чистота снега демонстрирует движение животных и людей более очевидно, чем летом. «Читая» снег, охотник не обманется в лесу и с легкостью различит присутствие жизни, поймет, какие события происходили до того момента, как он обнаружил следы. В процессе обучения выясняется, что следы птиц под рябиной означали то, что птицы питались ягодами рябины около двух дней назад. Ондатра съехала к реке, а соболь пробежал всего день назад.

Кроме того, снег может также использоваться как лист бумаги, на котором можно оставлять сообщения. Так, в одном из походов ученик опаздывал к месту сбора. Тогда Виктор Алексеевич предложил одному из своих учеников оставить опаздывающему сообщение. Мальчик взял эвенкийский посох *тыяун* и написал имя опоздавшего товарища и стрелку, указывающую направление, в котором все пошли. Это сообщение писали еще несколько раз по мере передвижения, чтобы отстающий мог понять, куда все пошли. Такая техника коммуникации помогла ученику догнать группу, так как он без труда прочитал адресованное ему снежное послание. Таким образом, снежный ландшафт — это еще один важнейший опыт в жизни эвенков Северного Байкала.

Водоемы и мобильность

Вода и поверхность льда потенциально содержат возможность движения по ним. Водное пространство всегда играло важную роль в транспортном сообщении региона. Так, жители деревни Кумора (старое название — Верхнеангарск) раньше были известны как сильные гребцы. Для того чтобы добраться до Нижнеангарска, они использовали лодки. Дорога занимала несколько дней. Традици-

онно эвенки использовали берестяные лодки (эв. *оморочки*). Например, Идес [1789 (1692): 408] писал, что лодки тунгусов «из березовых лубков зделаны, они длинные, но токмо узкие и без лавок; понеже гребцы трудятца на коленях, и гребут с правой и с левой стороны по переменам; ибо с обеих сторон вдруг грести не возможно». На подобных лодках эвенки рыбачили с помощью копья; они бросались в реку с копьём в руках «длиною в три аршина и имеющим при остром конце два крюка с зазубриной, входящие в ратовище так, что если копьём уязвлена будет рыба, то крюки опираются и крепко ее держат» [Спасский 1822: 61]. Следует заметить, что острога до сих пор используется местными жителями при ночной рыбалке, для того чтобы поймать щук. Эвенки использовали лодки при лучении рыбы. Тогда в нос лодки втыкали специальную металлическую подставку (эв. *таливун*) для смолистых щепок, которые складывали поленицей и поджигали, а рыбак стоял с остройгой посреди лодки и быстро колол рыбу, как только видел ее в воде [Василевич 1969: 81].

На лодках эвенки также перевозили имущество и покрытия юрт с одной стоянки на другую. При этом остовы мобильной архитектуры оставляли на месте [Радде 1858: 147; Шимкевич 1894: 5; Доппельмаир 1926: 232]. Кроме того, для перекочевков на Северном Байкале эвенки использовали лодки-долбленки, изготовленные из тополя или сосны [Спасский 1822: 61]. Согласно Стахееву [Стахеев 1869: 35–36], берестяные лодки эвенков, которые жили на северо-западе от Байкала и кочевали по берегам реки Лены, назывались *ветками*. Лодки эти были весьма легки на воде и очень удобны для переноски по суше, так как они были не очень тяжелые [Там же: 35]. В то же время, для того чтобы плавать на этих лодках, были необходимы определенная сноровка и ловкость. Плавать на подобных лодках человеку неопытному «было не только опасно, но почти невозможно» [Там же: 36]. То же самое можно сказать о современных самодельных северобайкальских *стружках*. Местные жители учатся управлять *стружкой* с раннего детства. При неумелом обращении такая лодка может легко перевернуться. Сейчас плавать на *стружке* ученики киндигирской школы в Холодной учатся на практических занятиях, проводимых Виктором Алексеевичем Ганюгиным. Лодка для уроков была изготовлена в школьной мастерской из большого листа металла Олегом Викторовичем Ганюгиным. Виктор Алексеевич обучает школьников навыкам управления *стружкой* на

небольшом незамерзающем зимой неглубоком водоеме, который находится рядом с деревней (рис. 14).

Жители современных эвенкийских сел используют не только изготовленные из дерева *стружки*, но и фабричные алюминиевые моторные лодки. Рыбаки обычно оставляют лодки на берегу реки. Взять чужую лодку, не спросив разрешения хозяина, является нарушением норм обычного права. Среди местных жителей это происходит достаточно редко. Тем не менее информанты жаловались, что после строительства БАМа из-за прибытия большого количества мигрантов оставлять имущество на берегу стало небезопасно (особенно это касается лодочных моторов).

В зимнее время дороги устраиваются по льду озер и рек. Валентина Васильевна Орлова помнит, как в ее детстве в 1950-х годах обычным транспортом для перемещения по льду служили собачьи упряжки. По воспоминаниям жителя Куморы Лаврентия Ефимовича Батурчина, родившегося в 1934 году, когда он был ребенком, эвенки приезжали на собаках, в каждой упряжке было по пять собак. Исторически северобайкальские эвенки не пользовались нартами

Рис. 14. Ученики киндигирской школы учатся управлять *стружкой*. Холодная, Северобайкальский район, Республика Бурятия, ноябрь 2007 года (фото В. Н. Давыдова)

[Левин 1936: 73], тем не менее шамагирские эвенки позаимствовали нарты у якутов, которых они встретили в бассейне реки Лена [Там же]. Начиная с позднего советского времени на празднике Севера стали устраиваться гонки на оленьих упряжках по льду Байкала. Сейчас местные жители ездят по льду водоемов на снегоходах, машинах и мотоциклах.

В то же время вода или лед могут выступать не как поверхность для передвижения транспортных средств, а как преграда. Например, весеннее наводнение на реке Холодная, которое известно как Большая Вода, может на несколько недель прекратить транспортное сообщение по Перевальской дороге, соединяющей бывший геологический поселок Перевал с Холодной. Поэтому охотники стараются сделать все необходимые для жизни в тайге приготовления до начала весеннего наводнения — Большой Воды. В начале мая местные жители постоянно осведомляются друг у друга о таянии льда и подъеме уровня воды в реке Холодная (там, где ее пересекает Перевальская дорога). Как только вода начинает подниматься, пересечение реки на машине или грузовике становится невозможным (рис. 15).

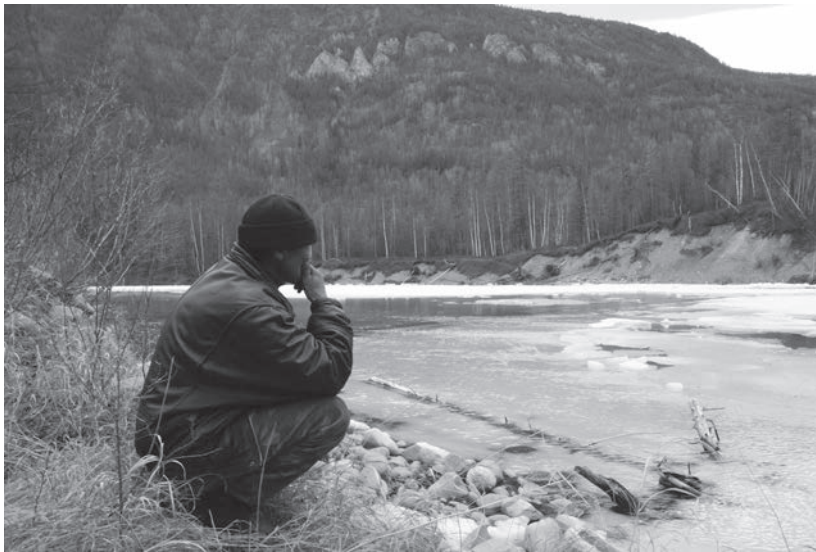

Рис. 15. Охотник Владимир Агдыреев оценивает уровень воды в реке Холодная. Перевальская дорога, Северобайкальский район, Республика Бурятия, май 2008 года (фото В. Н. Давыдова)

Уровень воды поднимается и в непосредственной близости от деревни. Раньше в период большой воды деревню постоянно затапливало. Позднее, во время строительства БАМа, с помощью тракторов соорудили дамбу, которая и служит теперь преградой от воды. Сейчас опасение местных жителей связано с тем, что в некоторых местах дамбу начинает размывать и может снова появиться угроза наводнения. Более того, река Холодная постоянно меняет свое русло, и количество воды во время паводка варьируется от года к году. Каждая поездка на охотничий участок или оленеферму перед началом сезона большой воды связана с определенной степенью риска. Каждый год этот сезон начинается по-разному. Поэтому важно заранее подготовиться к возможному изменению плана путешествия, если на пути неожиданно появится водная преграда. Река в период разлива отрезает путь либо в тайгу, либо в деревню, поэтому оленеводы тщательно готовятся к этому сезону и принимают решения, что именно им делать, кто и где должен остаться, когда наступит сезон большой воды.

Виктор Цивилев, выходец из поселка Томпа, где жили шамагирские эвенки, переехал в Холодную в начале 1950-х годов. Он рассказал легенду о враждебных людях-*маноерах* (возможно, *манегры* или *манегиры*, так как, например, по словам Виктора Цивилева, шамагиры называли себя *шамаерами*), которые хотели дойти до мест, где кочевали эвенки, но им это не удалось:

«Там есть озеро по Холодной. Раньше маноеры были, враждой приходили. Люди такие были. Приходили на разборки, туды-сюды. Они шли сюда, но не дошли. Враждебные, видимо, чужие люди. Они по Холодной шли. Там есть озеро, где они сидели — Маноер Тоотын, что значит “сидение вокруг озера”. И они увидели, что река кончается, некуда идти, и они вернулись».

Данная легенда связана с местными водоемами, которые непосредственно послужили путеводной нитью для движения врагов. Вода, таким образом, «защитила» местных жителей, изменив маршруты перемещения враждебной группы.

Температура воды

Важную роль в практиках местных жителей играет температура воды. Например, проточная вода может использоваться охотниками и оленеводами в жаркое время как природный холодильник.

Так, на оленеводческой базе неподалеку от реки Номама они хранят мясо в горной реке, вода которой остается ледяной даже в жаркую погоду. В деревне Холодная точно так же некоторые жители использовали проточную холодную воду для хранения мяса. Для этого мясо специально придавливают камнями, чтобы оно находилось под водой. Кроме того, для хранения мяса в летнее время оленеводы и охотники используют лед с гольцов. Они кладут его в двухметровую яму, которую обкладывают бревнами, и помещают туда лед. В данном сооружении (рус. *ледник*) лед не тает и мясо остается свежим и всегда готовым к употреблению. Менее глубокие ледники оленеводы и охотники устраивают неподалеку от зимовий и также используют для хранения мяса и продуктов.

Горные реки и ручьи тоже могут служить природным холодильником для хранения медвежьего мяса или мяса оленей, убитых хищниками, которое используется в пищу собакам (рис. 16).

Рис. 16. Медвежье мясо, которое хранится в ручье Ултани. Номама, Северобайкальский район, Республика Бурятия, август 2009 года (фото В. Н. Давыдова)

Так, оленевод Яков Черноев рассказал о таежном холодильнике:

«Вообще-то мы медвежатину не едим, ну только <если> очень редко <едим>. Да нам это и не надо, олень есть. Охотники едят, они делают из медведя тушенку, очень вкусно, кстати. Мы же храним это мясо для собак, и речка — самое лучшее место для этого. Очень удобно просто спуститься с холма и отрезать кусок мяса, который остается свежим. Вода свое дело делает, постоянно обдает холодом, и мясо всегда свежее, и его можно варить собакам. Река — наш холодильник!»

Вода как лекарственное средство

Вода может выступать и как лекарственное средство. При лечении многих болезней местные жители рекомендуют употреблять святую воду, которую они набирают в реке в день Крещения. Например, Пана Платонова советует употреблять святую воду не только для лечения, но и в случае сглаза:

«Вода в день Крещения на год освящается. Год не портится. В Крещение после двенадцати идешь набирать воду. И она не портится. А на виду нельзя ее ставить. В подполье надо убирать. Был случай в Кабанском районе: одна женщина хранила ее на видном месте. Мужик смотрел на нее, на эту воду, — и убежал от бабы этой. Поэтому лучше ее убирать с видного места. А так она не портится. Пьют ее, когда бывает плохо или если кто-нибудь тебя сглазит».

По словам Паны Платоновой, сглаз можно легко определить по жару на лице — при сглазе «лицо словно горит». В этом случае Пана Платонова рекомендует помазать лицо святой водой, но «не надо вытирать святую воду — тогда через пять минут все пройдет». Святой водой также лечат детей от испуга.

Лидия Мешкова из Туртукита сообщила, что святой водой можно еще окроплять растения в огороде, а также добавлять по капельке в чан с водой в бане или в ванную. В регионе также пользуются популярностью целебные термальные радоновые источники в Хакусах, Дзелинде, Гоуджеките и на мысу Котельниковский. Целебные свойства горячих источников на северо-западном берегу Байкала были давно известны шамагирским эвенкам [Неупокоев 1928].

Представления о чистоте воды

Местные жители обычно набирают воду в известных местах. Например, охотники обходят участок по определенному маршруту, который предполагает наличие нескольких мест, где можно набрать питьевую воду, разжечь костер и заварить чай. Виктор Алексеевич Ганюгин говорил, что место, где обычно берут воду, эвенки называли *мулокит* (эв.). Иногда воду набирали в родниках, которые называются *юкта* (*юктэ*) (эв.). Саму воду эвенки называли *му* (эв.). В зимнее время в некоторых местах топили лед. Например, когда местные жители останавливаются в зимовье неподалеку от Нерундукана, они топят питьевую воду изо льда, который берут на наледях (эв. *амнунда*). Обычно куски льда вырубает топором и приносят к зимовью. Если охотник приходит в зимовье поздно или устал с дороги, он может растопить снег, но «он не такой, как лед или вода из реки», поэтому, если есть другой источник воды, его стараются не использовать.

Вообще, эвенкийские стоянки обычно располагались неподалеку от источников воды, причем эвенкам было небезразлично качество воды [Сирина 1995: 99]. Поэтому зачастую они могли использовать два источника воды — родник или ключ, где брали питьевую воду, а также реку или озеро [Там же]. Бывший директор оленефермы Аркадий Петрович Лекарев рассказывал, что оленеводы обычно ставили юрту недалеко от реки, озера, ручья или источника чистой питьевой воды. Это было одним из основных критериев выбора места для текущих стоянок. Рыбаки же, как сообщил Виктор Алексеевич Ганюгин, которые также использовали юрты, брали воду прямо из реки неподалеку от юрты: «К воде вообще было отношение такое. Чистую же старались воду пить».

Сейчас ситуация несколько изменилась. Строительство Байкало-Амурской магистрали повлекло за собой деградацию окружающей среды, в частности загрязнение водоемов [Fondahl, Sirina 2006]. Кроме того, как сообщили местные жители, когда строили насыпь для железной дороги, было засыпано много родников, и «после БАМа их не стало». Местные жители считают, что не во всяком водоеме можно брать воду для питья. Так, по словам Виктора Алексеевича Ганюгина, вода в реке Кичера раньше была чистая и прозрачная. В настоящее же время он и его родственники, которые косят сено на берегу Кичеры, вынуждены брать воду в источнике, распо-

Рис. 17. Олег Викторович Ганюгин набирает питьевую воду в бутылку, чтобы отвезти ее в лагерь на покос на реке Кичера. Северобайкальский район, Республика Бурятия, август 2009 года (фото В. Н. Давыдова)

ложенном на берегу протоки, в нескольких километрах от стоянки (рис. 17). Для этого они наполняют несколько пластиковых бутылок (по полтора литра каждая) и затем везут их на лодке к лагерю, где ночуют, хранят инструменты и готовят пищу.

Вода в реке Кичера в последние годы стала мутная, и Виктор Алексеевич сомневается в том, что очистные сооружения в поселке Кичера, который находится выше по реке, способны обеспечить хорошую очистку воды:

Рис. 18. Николай Ганюгин моет посуду в лагере на покосе. Река Кичера, Северобайкальский район, Республика Бурятия, август 2009 года (фото В. Н. Давыдова)

«Есть место Букишкой, там ключ есть. А неподалеку там есть еще место по реке Кичера, которое называют Большое Улово. Как-то раз туда холоднинские порыбачить пришли. Выдолбили лунки. А оттуда вся эта серая масса пошла — грязная вода. И они даже брать не стали воду — вот это старики рассказывали. Говорили: “Бабы шампунями моются, и вот это все из-подо льда всплыло!” Было такое дело».

Таким образом, во время покоса вода в реке используется только для мытья посуды, которую предварительно протирают травой, а запасы питьевой воды приходится постоянно пополнять (рис. 18).

Загрязнение воды в реках, которые несут свои воды в Байкал, не могло остаться без внимания со стороны экологических активистов. Данные места посетили исследователи из разных стран. В Холодной рассказывают нарративы об исследователях, которые брали пробы воды в реке и колодце:

«Приезжали сюда немцы. Один мне сказал, что вода в Холодной урановая. И немцы с приборами испугались. Израильцы приезжали, про воду спрашивали. Эти без приборов были».

Подобные нарративы встраиваются в представления о чистоте воды, которая может интерпретироваться по-разному. Например, Любовь Алексеевна Малафеева считает, что вода может быть загрязненной явно и неявно. Так, она рассказала, что если видишь мусор, плавающий на поверхности воды, то это явное загрязнение. Воду можно попробовать на вкус, и если вкус не понравится, то тогда можно понять, что вода грязная. Эту грязь можно увидеть и не брать воду из этого места. Тогда как «скрытое» загрязнение, то есть радиация, не видно человеческому глазу, но приносит сильный вред организму.

Внедрение новых промышленных объектов на Северном Байкале рассматривается местными жителями через призму потенциального загрязнения воды в озере. Даже если территория предполагаемого строительства относительно удалена от Байкала, жители считают, что негативные последствия от реализации подобных проектов потенциально могут сказаться на экологической ситуации вокруг озера и ближайших водоемов [Сирина, Фондал 2006]. Как сказал лесник из Холодной Николай Малафеев, даже если загрязнение не коснется рек, впадающих в Байкал, оно все равно может распространиться в озере через подземные воды, так как, по его мнению, «все в природе связано». Жители Холодной негативно отзывались как о проекте строительства нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий Океан, так и о проекте разработки Холодинского месторождения полиметаллов. Они считали, что эти два проекта могут повлечь за собой ухудшение экологической ситуации на Байкале и впадающих в него реках. Николай Малафеев сказал:

«Необходимо думать о будущем. Зачем нужно строить нефтепровод рядом с озером? Байкальская вода стоит дороже бензина! Только разливай в бутылки и продавай как минеральную воду, например в Китай. Но, к сожалению, люди этого не понимают».

Данная стратегия, по его мнению, принесла бы доход и не затронула деликатную экологию воды. Жители деревни Холодная помнят, как открытие шахты по добыче полиметаллов неподалеку от геологического поселка Перевал в начале 1990-х годов привело к загрязнению воды в реке. Пана Платонова сообщила:

«В это время запрещали из Холодной воду пить! А вот как же они хотели-то шахту открывать? Грязь-то все равно пойдет. Воду в это время в ключе брали. В то время и рыбы не стало. Тоже отравляется, наверно».

По словам местных жителей, в реке почти на десять лет исчезла рыба. Тем не менее она появилась вновь только потому, что в 1992 шахта, а также геологический поселок были закрыты. Этот опыт заставляет местных жителей с осторожностью относиться к разнообразным проектам индустриального развития региона.

Качество и состав воды зависят от местности. Например, как утверждают местные жители, в соседней деревне Душкачан вода более жесткая, чем в Холодной. Она считается менее подходящей для мытья волос. Поэтому иногда жители Душкачана специально приезжают в Холодную за водой. В Холодной вода в реке считается более мягкой, чем ключевая.

Чистота воды также может пониматься двояко. Виктор Алексеевич Ганюгин отмечает, что для здоровья людей не очень хорошо, что вода в данной местности слишком чистая, то есть не содержит необходимых для человека минеральных веществ: *«Она здесь слишком чистая. Поэтому у людей зуб, щитовидка — солей не хватает. Это и так видно, вода здесь прозрачная»*. Многие местные жители говорили об отсутствии йода в воде.

В деревнях Душкачан и Туртуки (неподалеку от Холодной) питьевую воду берут из колодцев. Как сказала Лидия Мешкова из Туртуки:

«Колодец у нас богатый. Во время полива воду тоже из колодца качаем. В бочке стоит дождевая вода на полив. Раньше стирали дождевой водой, а теперь берем из колодца. Один раз грязный дождь пошел, окна все грязные после него были. После этого страшно дождевой водой пользоваться».

В Туртуките используют колодец с общим ведром (рис. 19). Домашних животных также поят водой из колодца: *«Баир поит корову водой из колодца, она другую уже не хочет пить, отказывается»*. Чувство воды, таким образом, присуще и животным, которые сами делают выбор в пользу того или иного источника.

Лидия Мешкова родилась в поселке Томпа, который находился на северо-восточном берегу Байкала и был закрыт в 1953 году, когда проводилось укрупнение колхозов. Жители говорят, что Томпу закрыли из-за угрозы затопления, так как ожидали поднятия уровня Байкала после запуска гидроэлектростанции на Ангаре. Она помнит, что в Томпе колодцев не было:

«В Томпе только с Байкала водой пользовались. Колодцев не было. Жили на берегу Байкала. Хорошая вода была. Но мне не нравилась вода,

Рис. 19. Григорий Марков набирает воду в колодце. Туртукиит, Северобайкальский район, Республика Бурятия, август 2009 года (фото В. В. Симоновой)

когда ее весной из лунок брали. То ли там лошадей поили, и поэтому она имела какой-то странный привкус. Это давно, в детстве еще было».

В данной главе было рассмотрено, как под влиянием повседневных практик и локальных нарративов формируются этические нормы, связанные с освоением водных пространств. Вода для жителей национальных сел Северобайкальского района Холодная (Кумора, Старый Уоян и Холодное) является не только ресурсом, но и частью ландшафта, где локализуются их повседневные практики. Жизнь рыбака и охотника на Байкале — это постоянная борьба со стихией. С точки зрения местных жителей, для того чтобы использовать ресурсы, которые дает им природа, необходимо постоянно поддерживать с ней правильные отношения, соблюдая этические нормы. Нормы экологической этики получают свое нарративное определение в контексте значимых для локального сообщества событий. Повседневное знание воды также является социальной стратегией контроля над качеством ресурса и стратегией выживания в природной среде.

Чистая вода для местных жителей — это жизненно важная составляющая их повседневных практик. В данном контексте интерпретации экологического загрязнения для местных жителей принимают форму рефлексии практического опыта. Отсутствие рыбы в реке, например, может говорить о наличии в ней вредных веществ. Таким образом, система взаимоотношений человека и водных пространств на Северном Байкале складывалась не под влиянием глобального энвайронментального дискурса, а через непосредственное участие местных жителей в промысловых практиках и через их постоянное определение в локальных нарративах. Вода для жителей Холодной — это не только субстанция, но еще и ландшафт, включающий реки, ручейки и озера. Это также снежный и ледяной ландшафт, играющий важную роль в жизни таежников.